

СИЛА ДИССИДЕНТОВ *

Их история длится больше десяти лет. Временами кто-нибудь провозглашает, будто с ними покончено. И ошибается раз от разу.

Кучка людей противостоит правительству, совместившему репрессивные возможности деспотии и технологической цивилизации XX века. В таких условиях, казалось бы, малейшее поперек сказанное слово невероятно, как невероятно противиться горному обвалу.

И все-таки эта власть неуклюже возится с несколькими смельчаками, не умея справиться.

Это зрелище должно бы дать мыслительную пищу философам.

Диссиденты понесли много утрат. Параграфами их истории стали аресты, суды и крутые приговоры. Многие отбыли свой срок, многие и сейчас еще там. Все это известно. Но именно заурядность этих сведений заводит наблюдателей в тупик.

Как это возможно, чтобы кто-либо избрал такой удел, зная его наперед? На что ему надеяться? И почему все-таки государство не раздавило этих диссидентов как насекомых?

Некоторые хитроумцы придумали, что государству потому-то и потому-то выгодно оставлять диссидентов на развод. Другие подчеркивают, что диссиденты, в сущности, мало государство тревожат, а потому оно лениво расправляется с ними только от случая к случаю. Наконец, самые смелые высказывают догадку, что диссиденты получают присвоенное содержание из заветного окошечка.

Базу этих гипотез составляет трепетная вера во всемогущество физического насилия, в беспомощность перед ним нравственных и правовых резонансов. Но даже если не исповедовать этой

* Сокращенный текст статьи, опубликованной в "Синтаксисе", 3.

веры, которой одной достаточно для увековечения правительственного самоуправства, здравомыслящий взгляд находит у диссидентов тьму несуразностей. Они избегают тактики, издавна усвоенной оппозициями, попадавшими в сходные условия. Нет у них явок, конспиративных квартир, подпольных типографий, шифров, симпатических чернил и разветвленной агентуры. Нет вождей, наделенных авторитетом решать и приказывать. Нет у них ни групповой дисциплины, ни устава, ни отчетливой программы. В стране закоренелого бесправия они ведут себя так, будто защищены законом.

Как это возможно, что правительство Брежнева не стерло до сих пор в порошок простаков, которые подписывают собственное имя и любезно присовокупляют свой адрес, предпринимая нечто немыслимое с точки зрения устоявшихся в стране нравов?

Более десяти лет они будоражат, не дают о себе забыть. Им сочувствуют. Им сострадают. Но иногда подсмеиваются над их наивностью. И раздражаются, потому что они мешают людям некрайним отправлять житейские функции. От них трудно отвязаться, как от совести.

Было бы легче предоставить диссидентов их добровольно избранной судьбе, если б не их успехи. Самый трезвый прагматик не может не признать, что они кое-чего добились. Факт остается фактом: они — единственная оппозиция, которая умеет сохраниться в Советском Союзе.

Упорное нежелание платить за беззаконие той же монетой выдвинуло их среди иных попыток противостоять режиму.

Пока длится мирная борьба диссидентов, возникло несколько организаций, пытавшихся возродить старую русскую традицию революционного подполья с его неизменными двойками, тройками и тузами. Ядра таких организаций сразу разбивались властью. Никто бы про них и не услышал, не будь этих прекрасодушных и либеральных правозащитников, наладивших сбор и публикацию сведений о текущих правительственных репрессиях.

Когда позарез нужно разделаться с кем-нибудь из диссидентов, КГБ вымучивает неловко скроенные обвинения. При аресте Александра Гинзбурга ему подсунили иностранную валюту; при аресте Олексы Тихого подбросили старое ружье. Когда КГБ принялся сочинять дело вокруг таинственного взрыва в московском метро, планируя свалить его на диссидентов, стало ясно,

с какого рода оппозицией предпочло бы бороться правительство Брежнева. Но поскольку диссиденты не устраивают заговоров и чтут уголовный кодекс, самовластному правительству приходится раскидывать черную, врать и проговариваться. Они поменялись с правительством местами, взяв на себя защиту правопорядка, оставив на долю власти уголовщину.

По-видимому, в истории, как и в природе, действителен принцип экономии сил. Человечество расточительно, когда разрушает: массой берется верх в революциях и войнах. Но для созидания нужно ровно столько людей, сколько сможет применить свои силы. На все человечество хватило одного Гомера, одного Эйнштейна.

Диссидентов столь мало, что невозможно говорить о разрозненности их рядов; тут не ряды, а отдельные индивидуумы и каждый решает за себя. Но будь их больше, и характер движения, и его цели были бы иными. Предположим, что в Московской группе содействия по соблюдению Хельсинкских соглашений было бы не одиннадцать, а тысяча членов. Ясно, что тогда было бы уже не "наблюдение", а что-то другое. Количество в данном случае соответствовало задаче, и потому на место оказавшихся за решеткой или выпихнутых в эмиграцию пришло примерно столько же новых. Репрессии отражаются на судьбах диссидентов, на их семьях, но не останавливают их дела.

Нельзя обскакать историю и не нужно. Нетерпение искажает работу созидания. Добиваясь невозможного, применяют излишне сильные средства. Диспропорция между достижимым и желаемым чревата фальшью, демагогией.

Диссиденты узнали об этой опасности из отечественной истории, а их падения случаются тогда, когда они забывают ее уроки.

При деспотиях не большинство решает. При деспотиях большинство пассивно. Но зато решающее значение получают активные меньшинства. Опираясь на действительное или показное единомыслие, деспотии не умеют мирно справляться даже с единичными голосами протеста. Они тверды, но не гибки.

Ошибочно думать, будто диссиденты не влияют на состояние умов в стране. В конце концов, неизвестно, сколько народу предано существующей власти. После неудачи при выборах в Учредительное собрание, правительства от Ленина до Брежнева

не рисковали испытывать свою популярность свободным голосованием. Допустим, что им виднее.

Можно надеяться, что со временем диссидентское движение перерастет в более массовое, если выдержит конкуренцию с русским национализмом, которым заполняется идеологический вакуум, оставшийся после разочарования в коммунизме. Кстати, само размножение националистов, которые посреди господствующего произвола внезапно почему-то затосковали по произволу же, свидетельствует, что диссиденты несут реальную альтернативу для будущего. Ведь иначе непонятно, откуда еще могут взяться в России все эти "ужасы" парламентаризма, плюрализма и терпимости, о которых кричат националистические пророки.

Диссиденты — это люди, принявшие на себя долг защищать тех, кто ущемлен в своих гражданских правах. Из этого зерна ветвится обширная крона. К диссидентам подключаются и евреи, добивающиеся права на эмиграцию, и крымские татары, борющиеся за право вернуться на землю своих отцов, и украинцы, и грузины, и армяне, желающие воспользоваться своим конституционным правом на национальное самоопределение, и прибалтийские народы, стремящиеся к восстановлению своей национальной независимости; и пятидесятники, и баптисты, и литовские католики, которых лишили свободы вероисповедания, и православные, настаивающие на своем праве оспаривать атеизм. Диссиденты расчистили пути скрещения, на которых встречаются по-разному угнетенные люди. Тут уже не единицы, а тысячи и десятки тысяч.

Отработанные диссидентами методы защиты гражданских прав и свобод распространяются. По образцу "Хроники текущих событий" созданы теперь локальные Хроники — украинская, литовских католиков, христиан-баптистов. Вслед за Московской хельсинкской группой сложились такие же на Украине, в Грузии, в Прибалтике. Первые шаги рабочих в защиту своих экономических и социальных прав принимают типично диссидентские формы.

Демократические институты могут утвердиться лишь в демократически настроенном обществе. Они не навязываются приказами. Лучше научиться пользоваться существующими законами, как бы скверно они ни были сформулированы, чем немед-

ленно ломать существующий правопорядок, рассчитывая возвести на расчищенном месте новый, совершенный. Когда законы упразднены, вступает в силу "интуиция справедливости", т.е. хаос. Поэтому, как это ни трудно, как это ни парадоксально, остается лишь постепенный, эволюционный путь от деспотизма к демократии.

Диссиденты не отрываются от реальности. Для их движения характерно сочетание чистого морального идеализма с пессимизмом. Их борьба за права человека остается невидимым фоном современной советской истории. Диссиденты спасают честь населения огромной империи. Они показывают, что не все в ней сгнило, и создают преемственность духовных ценностей. Для современной истории они имеют такое же значение, как некогда декабристы или народники. Тех тоже было мало. Их тоже гнали и мучили на фоне всеобщего безучастия. Но что бы была русская история прошлого столетия без них? Про Брежнева, вероятно, останется во всеобщей памяти то, что Сахаров имел несчастье быть его современником. Так, мы помним про Бенкендорфа, потому что читаем Пушкина.

Роль диссидентского сопротивления лучше всего объяснить предположением "от противного". Допустим, его нет. Тогда бы, как при Сталине, неугодные люди исчезали бы без следа. А теперь деяния правительства, — по крайней мере, в области прав человека, — раскрыты для дневного света. В сравнении с разными видами оппозиционной деятельности, о которых международная пресса сообщает теперь подробности почти ежедневно, количество арестов явно уменьшилось. Прежде сажали и истребляли за несравненно меньшее, чем делают теперь люди, оставляемые на свободе. Теперь, не спросив разрешения, можно опубликовать за границей книгу и не оказаться немедленно за решеткой. Встречи и откровенные разговоры с иностранцами, которые стали почти буднями, недавно еще не привиделись бы и во сне. Власть затравленно бежит от гласности, которая ее настигает.

Микроскопические симптомы раскрепощения достигаются каждый раз с боем, ценой риска и страданий.

Власти вынуждены сдерживать свой обычай разрешать внутренние конфликты прямым насилием. Даже некоторые модернизированные приемы политических репрессий несут на себе неяркие следы диссидентского сопротивления. Например, исполь-

зование психиатрии в борьбе с инакомыслием трудно было бы объяснить, если бы не боязнь властей снова и снова нарваться на скандалы, не раз уже вспыхивавшие вокруг политических процессов. Сажать же людей без суда и следствия тем более теперь немыслимо. Однако и эти уловки не надолго остались в тайне.

За годы легального сопротивления диссиденты раскололи маску, которую советское правительство привыкло напяливать на себя перед внешним миром. Это способствовало выработке более здравых представлений о Советском Союзе. Существование диссидентов стало неременным условием реальных контактов между людьми и идеями, ибо без них невозможно провести легкое на лганье советское правительство.

Наконец, диссиденты неожиданно вторглись в современную дипломатию. Правительства Западной Европы и Соединенных Штатов долго не обращали на них внимания. Но уже Хельсинкские соглашения оказались прорывом.

В чем же их сила? Активных диссидентов внутри Советского Союза действительно ничтожно мало. Однако они — всего лишь часть *международного* движения, без которого и вне которого само их существование нельзя и помыслить.

Вот простая иллюстрация. 25 августа 1968 года шестеро диссидентов вышли на Красную площадь в Москве, протестуя против оккупации Чехословакии советскими войсками. Событие это общеизвестно. Но каким образом? Демонстрация длилась считанные минуты, пока подбежавшие милиционеры и агенты в штатском отнимали и рвали лозунги, били демонстрантов и запихивали их в машины. Случайные прохожие, скорее всего, не успели разобраться, что же происходит. Если их спросить, они бы рассказали, что милиция на их глазах арестовала каких-то хулиганов. И все. Единственного открытого, гласного выступления советских граждан против агрессивных действий своего правительства как бы и не было. Отчаянный жест безрассудных смельчаков — больше ничего. Новые жертвы террора канули бы в глухую безвестность, и дай Бог, чтобы через пару десятилетий кто-нибудь похода помянул их имена.

Но на Красной площади демонстрантов ждали иностранные корреспонденты, которые немедленно написали отчеты о случившемся. Их сообщения возвратились в Советский Союз в передачах иностранных радиостанций. Демонстрация 25 августа стала международным событием.

Главным фактором, возбуждающим и поддерживающим на должном накале диссидентские действия в Советском Союзе, стали укрепляющиеся контакты с границей. Железный занавес продырявился. Однако гуманистически и либерально настроенные люди как в Советском Союзе, так и за рубежом, нашли друг друга, поняли, объединились. Этого достаточно, чтобы почти обесмыслить работу КГБ, потому что легче не сломиться, когда знаешь, что ты не один, не забыт, не брошен в безвестность.

Но если это так, то не права ли хотя бы отчасти советская пропаганда, которая твердит, что диссиденты не имеют почвы в своей стране, а держатся лишь поддержкой извне, что они — чужаки в своем отечестве, готовые провалить международное сотрудничество ради своих узко групповых целей? — Нет, не права. Потому не права, что у диссидентов нет групповых целей, а их идеалы не ограничены местным масштабом.

Еще один пример. Биолог Сергей Ковалев — русский, агностик, москвич — был арестован, судим в Вильнюсе и приговорен за то, что помогал литовским католикам защищать их национальную и религиозную свободу. Так что же тут местное и групповое в жертве Ковалева?

Диссиденты отстаивают не какое-либо особое право, а сам принцип права, где бы и как бы ни страдали люди от его нарушения. Их идеалы космополитичны. И нет разницы между ними и любым человеком сходных взглядов, живи он в Старом или Новом свете. Особенность их положения лишь в том, что им приходится действовать в опасной близости от нарушителей человеческих прав.

Международное движение в защиту прав человека возникло после второй мировой войны.

Не все понимали, что предшествовавшие войне Мюнхен и сталинский советско-германский пакт, хоть и продиктованы были рациональным расчетом, обернулись стыдом и глупостью одновременно. Но фактическое положение дел было именно таково.

В те годы Альбер Камю записал в своем дневнике:

”Каждый раз, когда я слушаю политическую речь или читаю заявления тех, кто нами управляет, я ужасаюсь, потому что не улавливаю в них ни малейшей человечности.

Вечно все те же слова, несущие все ту же ложь. И в том, что с ними свыклись, что гнев народа не переломал давно всех этих марионеток, я вижу свидетельство, что люди не придают серьезного значения своим правительствам и что они играют, поистине играют, своими жизнями”.

Из таких чувств, из таких размышлений родилось движение за права человека.

И хотя война завершилась не только дипломатическим соглашением в Потсдаме, но и Нюрнбергским процессом, сияние победы ослепляло и мешало людям сразу распознать правду. И после войны, деля ее плоды, политики и дипломаты продолжали заключать свои сделки на счет человечности. Они и по сей день не отстали от этой привычки.

Движение за права человека окончательно сложилось к середине 60-х годов почти одновременно на территории двух бывших союзников по антифашистской войне — в Соединенных Штатах Америки и в Советском Союзе.

В обоих случаях делалось ударение на гражданском, правовом аспекте человеческой свободы. В обоих случаях активисты правового движения добивались, чтобы красивые слова их правительств совмещались с делами. Твердым принципом было неприятие насилия; главным методом — гласность. Вопреки школьной социологии, они образовали группы, борющиеся не за свои и не за чужие, а за универсальные интересы.

Но на этом, — впрочем, немало, — сходство кончается. Движение за гражданские права в Америке сумело раскатать и увлечь за собой общественное мнение.

Американское движение за гражданские права послужило стимулом для усвоения тех же ценностей в международном масштабе. “Движение диссидентов”, — писал Жан-Франсуа Ревель, — распространялось ли оно в различных частях мира или возникало там стихийно, складывалось и совершенствовалось в Соединенных Штатах”. Наконец, при президенте Картере принципы прав человека были провозглашены как основа официальной политики правительства.

Активистов правозащитного движения в Советском Союзе ожидала другая судьба. Они так и остались маленькой группой, открытой для преследований.

И все-таки было бы несправедливо признать в движении советских диссидентов лишь периферийный, отдаленный участок общего процесса. Они внесли свой вклад в общее дело, и он настолько серьезен, что, не беря его в расчет, нельзя понять, что такое движение за права человека в целом. Думаю, что многие недоразумения были бы развеяны, если бы не судили о диссидентах по одним только западным меркам. И дело тут вовсе не в том, что будто бы в Советском Союзе гнет тяжелее, чем где бы то ни было. Люди, которые так говорят, движимы эгоизмом страдания, который чужд экзистенциальным основам современного диссидентства.

Выступления в защиту человеческих прав повсюду начинались не с четко продуманной теории, а с эмоционального импульса. Как моральный императив он представляется самоочевидным, естественным, заданным в готовом виде. Но, без должной рефлексии, без логического самоконтроля, он легко наполняется совсем чужим ему содержанием. Здесь возникает ситуация, которая описывается поговоркой: благими намерениями вымощена дорога в ад. Дорогой в ад оказывается поглощение идеи прав человека политической идеологией “левого” или “правого” толка, коммунизма или антикоммунизма. Потому что тогда принципы прав человека утрачивают свою самоценность и самодостаточность, обращаясь из цели в средство, в тупое орудие, которое метят в голову политического противника.

И вот, если не отчетливое сознание, то объективные условия их деятельности в целом оберегают диссидентов Советского Союза от этого губительного направления. Самим своим существованием они подтверждают призрачность противоположения “правого” и “левого”. Линия принципиального размежевания, оказывается, проходит совсем не тут, не там, где, не стесняясь в средствах, стремятся навязать свою правду противнику, а там, где взвешиваются на точных весах прежде всего именно средства.

Истина эта проста, но непривычна современному человеку. Поэтому столь многим кажется, будто борьба и само существование диссидентов в условиях Советского Союза бросает вызов здравому смыслу. Ведь применительно к общественным явлениям, идеи и нормы, которые мы принимаем, производны от нашего жизненного обычая. Они закрепляют модель социально-

го мира, которая служит нам ориентиром в повседневном поведении. Профессиональные ученые лишь артикулируют то, что средний человек признает за данность. И вот данность, выявляемая диссидентами, расходится с общепризнанной. Отсюда — непонимание, которым диссиденты окружены, даже когда им сострадают. Отсюда же время от времени появляются заметные расхождения между действиями диссидентов и их собственными суждениями об этих действиях. Перевести суть движения за права человека на канонизированный язык современной политологии и социологии не так просто, как это обычно представляется. Изогранный инструментарий научного анализа ломается от прикосновения к этой сути. Когда теория чужеродна предмету, возникают замысловатые, неуклюжие мыслительные конструкции: так Птоломей объяснял движение небесных тел.

Диссиденты — не просто жертвы произвола, они имеют цель. Чтобы их не сажали, надо было всего лишь молчать, как и полагается добропорядочному советскому гражданину, когда сажают других. Наблюдатели способны понять такое молчание, но не имеют мыслительных средств уяснить для себя смысл диссидентского протеста. Поэтому величайшее достижение его, когда положение с правами человека в Советском Союзе превратилось, наконец, в серьезную международную проблему, начинается казаться результатом чьей-то опрометчивости.

Советское диссидентство возникло в обстановке крушения коммунистической иллюзии. Его опыт показывает, что внутренне, духовно невозможно преодолеть коммунизм, по привычке отделяя политику от морали, политику от права.

Но именно поэтому советскому правительству трудно справиться с диссидентами — не физически, конечно, но морально. Стоит почитать советскую прессу, чтобы увидеть, что существующему в СССР режиму совершенно нечего противопоставить принципам прав человека, кроме отчаянно грубого, заведомо очевидного искажения фактов. Каждое правительство, каждый политический режим получает оппозицию. Это естественно. Каждое правительство заслуживает *свою* оппозицию. И вот, правительство Брежнева получило диссидентов, которые настаивают только на одном — чтобы соблюдались хотя бы существующие, хотя бы какие-нибудь законы, чтобы уважались права человека,

уже зафиксированные в авторитетных международных документах, ратифицированных самим правительством.

Политика и мораль, политика и право до сих пор остаются квадратурой круга. Вероятно, их совмещение уходит в даль истории, которая неохватна для ума смертного человека. Но диссиденты в Советском Союзе на аккуратно отграниченном участке защиты человеческих прав задачу решили. В этом, вероятно, их сила.